

Исторические сомнения относительно Наполеона Бонапарта

Ричард Уэтли

Historic Doubts Relative To Napoleon Buonaparte

Richard Whately

Электронная книга проекта Гутенберга об исторических сомнениях относительно Наполеона Бонапарта

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Исторические Сомнения Относительно Наполеона Бонапарта

Автор: Ричард Уэтли

Дата выхода: 30 марта 2006 [Электронная книга №18087]

Язык: Английский

В титрах: Продюсерами выступили Джинни Хауз, Тьерри Альберто и команда онлайн-корректоров Distributed Proofreaders Europe по адресу <http://dp.rastko.net>

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ИСТОРИЧЕСКИЕ СОМНЕНИЯ ОТНОСИТЕЛЬНО НАПОЛЕОНА БОНАПАРТА" ***

ИСТОРИЧЕСКИЕ СОМНЕНИЯ ОТНОСИТЕЛЬНО НАПОЛЕОНА БОНАПАРТА

Разве не одна и та же причина доступна в теологии и политике?... Будете ли вы следовать истине, но до определенного момента?— Книга Берка "*Оправдание естественного общества*".

Первым автором, который справедливо указал на связь между доказательствами свидетельства и доказательствами опыта, был Юм в своем Эссе о чудесах;

труд, изобилующий сентенциями, очень полезными в жизни.—Эдинбургское обозрение, сентябрь 1814 г., стр. 328.

НОВОЕ ИЗДАНИЕ.

ЛОНДОН:
ЛОНГМАНС, ГРИН И КОМПАНИЯ.
MDCCCLXV.

ЛОНДОН:
СЭВИЛЛ И ЭДВАРДС, ТИПОГРАФИЯ, ЧАНДОС-СТРИТ,
КОВЕНТ-ГАРДЕН.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Некоторых читателей этого небольшого труда (впервые опубликованного в 1819 году) немало позабавили ошибки других относительно его природы и предмета. Некоторыми это было представлено как серьезная попытка привить всеобщий скептицизм; в то время как другие рассматривали это как *jeu d'esprit* и т.д.[1] Автор, однако, не намеревается развлекать своих читателей рассказами об ошибках, которые возникли в связи с этим; потому что многие из них, по его убеждению, были бы восприняты с недоверием; и он не мог бы, без неделикатного разоблачения отдельных лиц, подтвердить его анекдоты.

Но некоторые здравомыслящие читатели жаловались на трудность определения того, *во что* им следует верить. В самом деле, в существовании Бонапарта они оставались полностью убеждены; и, если бы это оставалось сомнительным, не последовали бы какие-либо важные результаты; но если они не могут привести никаких *удовлетворительных оснований* для своей убежденности, как они могут знать, спрашивается, что они не ошибаются относительно других более важных пунктов, в которых они не менее полностью убеждены, но в которых все люди *не* согласны? Соответственно, автору было предложено попытаться сформулировать некоторые каноны, которые могли бы послужить стандартом для определения того, какие доказательства должны быть получены.

Это, по его мнению, невыполнимо, за исключением той степени, в которой это достигается с помощью надежной логической системы; включая под этим названием часть — ту, которая относится к "Законам доказательства" - того, что иногда рассматривается под заголовком "Риторика". Но полное достижение такой цели наделило бы Человека недостижимым атрибутом непогрешимости.

Но трудность, на которую он жалуется, по его мнению, возникает во многих случаях из-за того, что люди *неверно формулируют основания своих собственных убеждений*. Они действительно убеждены, и, возможно, с вполне достаточными основаниями; но они воображают, что эта причина отличается от той, которая есть на самом деле. Доказательства, с которыми они согласились, применяются в их сознании иным образом, чем тот, в котором, по их мнению, они применяются — и предполагают, что они должны применяться. И когда им приходится защищать и оправдывать свою собственную веру, они чувствуют себя растерянными, потому что пытаются сохранить позицию, которая на самом деле является той, в которой заключается их сила.

Для ознакомления с природой, последствиями и средствами устранения этой ошибки читателя отсылают к книге "Hinds on Inspiration", стр. 30-46. Если подобное развитие событий и можно найти в каких-либо более ранних работах, то автору следующих страниц, по крайней мере, никогда не доводилось сталкиваться с какой-либо попыткой подобного рода.[2]

Опять же, некоторые люди, не обладающие большой логической точностью мышления, возражали, что, поскольку не было бы никакой *моральной вины*, вменяемой тому, кто всерьез не верит или сомневается в существовании Буонапарте, то и отказ от историй Священного Писания не следует рассматривать как подразумевающий что-либо морально преступное.

То же самое возражение, каким бы оно ни было, в равной степени применимо ко многим притчам Нового Завета. Можно было бы сказать, например, что поскольку женщина, которая откажется взять на себя труд по поиску своего потерянного "сребреника", или торговец, который пренебрежет выгодной покупкой "прекрасной жемчужины", не будут виновны в какой-либо моральной несправедливости, из этого должно следовать, что нет ничего морально неправильного в пренебрежении возвращением заблудшего грешника или в отвержении Евангелия и т.д.

Но любой здравомыслящий человек легко поймет, что сила этих притч заключается в том обстоятельстве, что люди *обычно* не проявляют такой беспечности в отношении временных благ; и, следовательно, они виновны в грубой и достойной порицания *непоследовательности*, если они сравнительно небрежны в отношении того, что гораздо важнее.

То же самое и в данном случае. Если бы разум какого—либо человека был устроен так, чтобы отвергать одни и те же доказательства во *всех* вопросах одинаково - если бы, например, он действительно сомневался или не верил в существование Бонапарта и считал египетские пирамиды сказочными, потому что, по правде говоря, у него не было "опыта" возведения таких огромных сооружений и *имел* опыт общения с путешественниками, рассказывающими чудовищную ложь, — его сочли бы, возможно, очень глупым или безумным, но не таким морально виновным. Но если (как намекается в заключительном предложении этой работы) на человека в одном случае влияют возражения, которые в другом случае он бы высмеял, то его обвиняют в несправедливом влиянии его предрассудков.

Необходимо только добавить, что, поскольку это произведение впервые появилось в 1819 году, о многих вещах говорится в настоящем времени, к которому теперь было бы применимо прошлое.

Постскриптумы были добавлены к последующим изданиям в связи с последующими появлениями.

СНОСКИ:

[1] Какой-то рецензент заметил, что самому Хьюму, будь он жив, несомненно, очень понравилась бы эта шутка! Но даже те, кто получает наибольшее удовольствие от

насмешек, не получают удовольствия от шуток за *свой счет*. Возможно, Юм внутренне смеялся, вводя в заблуждение своих читателей аргументами, которые сам считал бесполезными. Но он не хотел, чтобы читатели это поняли. И маловероятно, что его позабавило бы, если бы его собственные заблуждения были разоблачены и выставлены на посмеище.

[2] См. *Элементы риторики*, п. i. ч. 2, § 4.

ИСТОРИЧЕСКИЕ СОМНЕНИЯ ОТНОСИТЕЛЬНО НАПОЛЕОНА БОНАПАРТА.

Пока общественное внимание было приковано к экстраординарной личности, от амбиций которой мы, как предполагается, так чудом избежали, тема, похоже, почти не утратила своего интереса. Мы все еще заняты рассказом о подвигах, обсуждением характера, изучением нынешней ситуации и даже высказыванием предположений относительно будущих перспектив Наполеона Бонапарта.

В этом нет ничего удивительного, если мы примем во внимание совершенно экстраординарную природу этих подвигов и этого характера; их величие и огромную важность, а также беспрецедентную странность событий, а также тот сильный дополнительный стимул, таинственную неуверенность, которая нависает над характером человека. Если сомневаться в том, что какая-либо история (за исключением тех, которые, по общему признанию, являются сказочными) когда-либо приписывала своему герою такую серию замечательных достижений, сжатых в столь короткий промежуток времени, то несомненно, что никому никогда не приписывалось столько непохожих персонажей.

Действительно, партийные предрассудки нарисовали благоприятный и неблагоприятный портрет почти каждого выдающегося человека; но среди всего разнообразия красок всегда можно различить что-то одно и то же в общих чертах. И даже добродетели в одном описании имеют некоторое сходство с пороками в другом: опрометчивость, например, будет называться мужеством, или отвага - опрометчивостью; героическая твердость и упрямая гордость будут соответствовать двум противоположным описаниям; и в некоторых ведущих чертах оба будут совпадать. Ни друзья, ни враги Филиппа Македонского или Юлия Цезаря никогда не подвергали сомнению их МУЖЕСТВО или ВОЕННОЕ МАСТЕРСТВО.

Однако с Буонапарте все обстояло иначе. Этот безвестный корсиканский авантюрист, человек, по мнению одних, необычайных талантов и храбрости, по мнению других, весьма умеренных способностей и отъявленный трус, быстро продвинулся во французской армии, получил высокое командование, одержал ряд важных побед и, окрыленный успехом, предпринял экспедицию против Египта; которая была спланирована и проведена, по мнению одних, с величайшим мастерством, по мнению других, с крайней дикостью и безрассудством: однако он потерпел неудачу; и, оставив армию в Египте в очень тяжелом положении, он вернулся во Францию и был отправлен в Египет. обнаружил, что нация или, по крайней мере, армия настолько благосклонно расположены к нему, что он получил возможность с величайшей легкостью свергнуть существующее правительство и получить для себя верховную власть; сначала под скромным названием консул, но впоследствии с более звучным титулом император. Обладая этой властью, он сверг самые могущественные коалиции других европейских государств, выступивших против него; и хотя британский флот оттеснил его с моря, он победоносно захватил почти весь континент; нередко завершая войну одной кампанией, он входил в столицы большинства враждебных держав, низлагал и создавал королей по своему усмотрению и казался фактическим сувереном большей части континента, от границ Испании до границ России. Даже в те страны, в которые мы обнаруживаем его вторжение с огромными армиями, он наносит поражение их силам, проникает в их столицы и угрожает их полному порабощению. Но у Москвы его продвижение остановлено: необычайно суровая зима, содействующая усилиям русских, полностью уничтожает его огромное войско; и немецкие государи сбрасывают иго и объединяются, чтобы выступить против него. Он собирает другую огромную армию, которая также разбита под Лейпцигом; и снова другую, с которой, подобно второму Антею, он некоторое время удерживается во Франции; но в конце концов терпит поражение, низложен и сослан на остров Эльба, верховная власть над которым дарована ему. Оттуда он возвращается примерно через девять месяцев во главе 600 человек, чтобы попытаться низложить короля Людовика, который был мирно отозван; французская нация высказывается в его пользу, и он восстанавливается без борьбы. Он собирает еще одну огромную армию для противостояния союзным державам, которая терпит полное поражение при Ватерлоо; он во второй раз низложен, сдается британцам и заключен в тюрьму на острове Святой Елены. Таковы очертания представленной нам богатой событиями истории, в деталях которой, однако, присутствуют почти все мыслимые разновидности утверждений, в то время как мотивы и поведение главного действующего лица вызывают еще большие сомнения и являются предметом еще более ожесточенных споров.

В разгар этих споров предварительный вопрос, касающийся *существования* этого экстраординарного персонажа, по-видимому, никому не приходил в голову как предмет сомнения; и проявление даже малейших колебаний при признании этого, вероятно, было бы расценено как избыток скептицизма; на том основании, что этот пункт всегда считался само собой разумеющимся участниками спора со всех сторон, что на самом деле подразумевается самим характером их споров.

Но действительно ли установлено, что *бесспорными* всегда являются такие пункты, которые были наиболее тщательно исследованы с точки зрения доказательств, на которых они основаны? что факты или принципы, которые принимаются как должное, без противоречий, как общая основа противоположных мнений, всегда сами по себе установлены на достаточных основаниях? Напротив, разве любой такой фундаментальный момент, исходя из того самого обстоятельства, что он сразу же принимается как должное и внимание отвлекается на какой-то другой вопрос, не может быть принят на основании недостаточных доказательств, а недостатки в этих доказательствах упускаются из виду?

Опыт научит нас, что такие случаи часто происходят: вспомним хорошо известный анекдот Королевского общества, которому король Карл II задал вопрос, почему сосуд с водой не прибавляет в весе от того, что в него кладут живую рыбу, хотя прибавляет, если рыба мертвая. Были предложены, обсуждены, отвергнуты и защищены различные решения большой изобретательности; и только после того, как они были надолго сбиты с толку исследованием, им пришлось в голову *попробовать провести эксперимент*; с помощью которого они сразу убедились, что феномен, который они стремились объяснить, — который был, так сказать, общепризнанной основой и субстратом их дебатов, — существовал только в изобретении остроумного монарха. [3]

Другой пример того же рода настолько примечателен, что я не могу не упомянуть о нем. Когда впервые была выдвинута система Коперника, ей возразили, что если бы земля вращалась вокруг своей оси, как он представлял, камень, брошенный с вершины башни, упал бы не к ее подножию, а на большое расстояние к западу; *точно так же, как камень, брошенный с верхушки мачты корабля на всех парусах, падает не к подножию мачты, а к корме*. На это был дан ответ, что камень, будучи *частью* земли, подчиняется тем же законам и движется вместе с ней, тогда как он не является частью корабля, от которого, следовательно, его движение независимо. Это решение было признано некоторыми, но против него выступили другие; и спор шел ожесточенно; и только через *сто лет* после смерти Коперника в ходе эксперимента было установлено, что камень, сброшенный таким образом с верхушки мачты, *действительно* падает к ее подножию! [4]

Позвольте заметить, что я сейчас не ставлю под сомнение какое-либо конкретное повествование; а просто показываю в целом, что то, что *бесспорно*, не обязательно бесспорно; поскольку люди часто в тот самый момент, когда они тщательно анализируют свидетельства по какому-либо спорному пункту, поспешно и на самых недостаточных основаниях признают то, что они привыкли считать само собой разумеющимся.

Знаменитый Юм[5] указал также на готовность, с которой люди верят, на основании очень незначительных доказательств, любой истории, которая радует их воображение своим восхитительным характером. Такая поспешная доверчивость, однако, как он хорошо замечает, совершенно недостойна философского ума; который должен скорее воздерживаться от своих суждений тем больше, чем страннее изложение, и не соглашаться ни на что, кроме самых решительных и безупречных доказательств.

В таком случае позвольте нам, что, безусловно, разумно, просто поинтересоваться в отношении необычной истории, о которой я говорил, на основании каких доказательств мы ей верим. Нам скажут, что это *печально известно*; то есть, простым английским языком, об этом очень *много говорят*. Но поскольку большинство тех, кто говорит о Бонапарте, даже не претендуют на то, чтобы исходить из *своего собственного авторитета*, а просто повторяют то, что они случайно услышали, мы ни в какой степени не можем считать их свидетелями; но должны допустить, что девяносто девять сотых того, что нам говорят, являются просто слухами, которые отнюдь не стали бы более заслуживающими доверия, даже если бы их повторило в десять раз больше. Что касается тех, кто утверждает, что *лично знал* Наполеона Бонапарта и *сам был свидетелем* его сделок, я пишу не для них. *Если такие есть*, которые внутренне осознают правдивость всего, что они рассказывают, мне нечего им сказать, кроме как просить их проявить терпимость и милосердие по отношению к своим соседям, у которых нет таких же средств установления истины, и которых вполне можно простить за то, что они продолжают сомневаться в таких экстраординарных событиях, пока не будут представлены неопровержимые доказательства. "Я бы ни за что не поверил в такое, если бы сам этого не видел" - обычное предисловие или приложение к рассказу о чудесах; и обычно разумный слушатель дает соответствующий ответ: "*я больше не буду*".

Давайте, однако, попытаемся проследить некоторые из этих свидетельств по слухам, насколько это возможно, до их источника. Большинство людей ссылались бы *на газеты* как на авторитет, из которого черпали свои знания по этому предмету; так что, вообще говоря, мы можем сказать, что именно на свидетельствах газет люди верят в существование и подвиги Наполеона Бонапарта.

Довольно примечательным обстоятельством является то, что англичане часто говорят о наглых измышлениях иностранных газет и выражают удивление, что кто-то может поверить им; в то время как они полагают, что в этой благодатной стране свобода печати является достаточной гарантией правдивости. Это правда, что они часто презрительно отзываются о таких "газетных историях" как о том, что они длятся совсем недолго; на самом деле они постоянно видят, как им опровергают в течение дня или двух в одной и той же газете, или их ложность обнаруживается каким-нибудь журналом противоположной партии; но все же, чему бы *ни придерживались* долгое время и часто *повторяли*, особенно если это также появляется в *нескольких разных* газетах (и это, хотя они, как известно, копируют друг у друга), почти наверняка вызовет всеобщее доверие. Откуда это высокое уважение, которое практически воздается авторитету газеты? Неужели люди думают, что, поскольку свидетеля постоянно уличали во лжи, ему, следовательно, можно с большей уверенностью верить всякий раз, когда он *не уличен*? или приверженность истории и частое ее повторение делают ее более

правдоподобной? Напротив, разве это не обычное замечание в других случаях, что лжец обычно настаивает и повторяет то, что он однажды сказал, просто потому, что он уже это сказал?

Давайте, если возможно, избавимся от этого суеверного преклонения перед всем, что появляется "в печати", и рассмотрим несколько более систематически приводимые доказательства.

Я полагаю, никто не будет отрицать, что следующие три момента являются одними из наиболее важных, которые необходимо выяснить при принятии решения о достоверности показаний свидетелей; во-первых, есть ли у них средства для получения правильной информации; во-вторых, есть ли у них какой-либо интерес в сокрытии истины или распространении лжи; и, в-третьих, *согласны ли они* в своих показаниях. Давайте рассмотрим присутствующих свидетелей по всем этим пунктам.

Во-первых, какими средствами располагают редакторы газет для предоставления правильной информации? Мы не знаем, кроме как из их собственных заявлений. Помимо того, что скопировано из других журналов, иностранных или британских, (что обычно составляет более трех четвертей публикуемых новостей), [6] они заявляют, что ссылаются на авторитет определенных "частных корреспондентов" за границей; *кто* эти корреспонденты, какими средствами они располагают для получения информации или существуют ли они вообще, у нас нет возможности установить. Мы находимся в положении индусов, которым их священники говорят, что земля стоит на слоне, а слон на черепахе; но им предоставляется самим выяснить, на чем стоит черепаха и стоит ли она на чем-нибудь вообще.

Вот и все, что нам известно о средствах получения информации, которыми обладают эти свидетели; далее, о том, на каких основаниях мы должны рассчитывать на их *правдивость*.

Разве они не проявляют явного интереса к распространению замечательных отчетов о Наполеоне Бонапарте и его достижениях, будь то правдивых или ложных? Мало кто стал бы читать газеты, если бы иногда не находил в них замечательных или важных новостей; и мы можем с уверенностью сказать, что ни одна тема никогда не была столь неисчерпаемо интересной, как нынешняя.

Однако можно подчеркнуть, что существует несколько враждебных политических партий, органами которых, соответственно, являются различные печатные издания, и которые не преминули бы разоблачить измышления друг друга. [7] Несомненно, они сделали бы это, если бы могли, не раскрывая при этом *свои собственные*; но идентичность интересов может способствовать общности операций до определенного момента. И позвольте заметить, что предметом спора между этими соперничающими партиями является то, *кто* будет управлять общественными делами, контролировать государственные расходы и распоряжаться местами: вопрос, я говорю, не в том, будут ли людьми управлять или нет, а в том, *какая партия* будет ими управлять; не в том, будут ли налоги уплачены или нет, а в том, *кто* будет их *получать*. Теперь следует признать,

что Буонапарте - политическое пугало, наиболее удобное для *любой* администрации: "если вы не примете наши меры и отвергнете меры наших противников, Буонапарте обязательно одержит над вами верх; если вы не подчинитесь правительству, по крайней мере, под *нашей* администрацией, этот грозный враг воспользуется вашим неповиновением, чтобы завоевать и поработить вас: охотно платите налоги, или грозный Буонапарте заберет у вас все". Короче говоря, Бонапарт был бременем каждой песни; его громкое имя было тем обаянием, которое всегда помогало развязать кошельки нации. И давайте не будем слишком уверены, [8] как бы мы сами сейчас ни думали, не возникнет ли какого-нибудь случая снова вывести на сцену столь полезного персонажа: угроза быть "отданным Буонапарте" оказалась действенной не только для непослушных детей в детской.

Следовательно, вполне вероятно, что, преследуя по существу одну и ту же цель, все стороны могли воспользоваться одним общим инструментом. Нет необходимости предполагать, что с этой целью они тайно заключили официальное соглашение; хотя, между прочим, ходят слухи, что редакторы *Courier* и *Morning Chronicle* проводят дружеские консультации относительно ведения своей публичной войны: я не возьму на себя смелость утверждать, что это невероятно; но, во всяком случае, это не обязательно для установления вероятности, на которую я претендую. И опять же, я бы не стал подразумевать, что все редакторы газет сочиняют фальшивые истории, "зная, что они фальшивые"; скорее всего, подавляющее большинство из них публикуют то, что находят в других газетах, с той же простотой, с какой это читают их читатели; и поэтому, следует заметить, им ничуть не больше, чем их читателям, следует ссылаться на авторитеты.

Тем не менее, будет сказано, что, если мы не предполагаем наличие регулярно разрабатываемого плана, мы должны, по крайней мере, ожидать обнаружения больших расхождений в опубликованных отчетах. Хотя они могли бы заимствовать общую схему фактов друг у друга, им пришлось бы самим дополнять детали; и в этом, следовательно, мы столкнулись бы с бесконечным и непримиримым разнообразием.

Теперь это именно тот момент, к которому я стремлюсь; ибо факт в точности согласуется с приведенным выше предположением; разногласие и взаимные противоречия этих свидетелей таковы, что сами по себе бросают значительную тень сомнения на их показания. Несоответствие проявляется не только в незначительных обстоятельствах, как можно было бы ожидать в повествовании, по существу правдивом; но и в очень крупных и ведущих событиях, которые очень тесно связаны с предполагаемым героем. Например, ни в коем случае нельзя согласиться с тем, руководил ли Буонапарте лично знаменитой атакой через мост Лоди (поскольку она, безусловно, знаменита, как и осада Трои, независимо от того, имело ли место когда-либо то или иное событие на самом деле или нет) или находился в безопасности в тылу, в то время как Ожеро совершал этот подвиг. Те же сомнения нависают и над атакой французской кавалерии при Ватерлоо. Крестьянин Лакост, который утверждал, что был проводником Бонапарта в день битвы, и который заработал состояние, снова и снова описывая посетителям все подробности того, что говорил и делал великий человек до момента бегства, — эту самую Лакост подозревали другие, помимо меня, в том, что она никогда даже не была рядом с великим человеком и сфабриковала всю историю ради того, чтобы воспользоваться доверчивостью путешественников. В дошедших до нас отчетах о

самом сражении, опубликованных лицами, утверждающими, что они присутствовали при нем, читатель обнаружит, что существует расхождение в *три или четыре часа* относительно времени начала сражения!— битва, следует помнить, не с применением дротиков и стрел, как у древних, в которой могла участвовать одна часть большой армии, в то время как отдаленная часть той же армии ничего об этом не знала; но битва, начинающаяся (если она вообще когда-либо велась) с *пушечной пальбы*, которая довольно громко возвестила бы о происходящем.

Не менее неясно, отравил ли этот странный персонаж в Египте госпиталь, полный его собственных солдат, и хладнокровно вырезал сдавшийся гарнизон. Но не будем множить примеры: Бородинская битва, которая представлена как одно из величайших сражений в истории, была недвусмысленно признана победой обеих сторон; и по сей день этот вопрос не решен. У нас есть официальные отчеты обеих сторон, подробные со всеми обстоятельствами, на имена предполагаемых уважаемых лиц, утверждающих, что они присутствовали на месте происшествия, но совершенно непримиримые. Обе эти учетные записи *могут* быть ложными; но так как *один* из них *должен* быть ложным, что один (это неважно, *что* мы думаем) неопровержимо доказывает эту важную Максим: *что это повествование—правда косвенным, однако стабильно—однако общественности, и тем не менее важно, событиям, это относится, однако, серьезную власть, на которой она опубликована, чтобы быть вместе целый изготовления!*

Во многие из описанных событий, вероятно, поверили гораздо охотнее и тверже из-за очевидной осторожности и колебаний, с которыми они были сначала опубликованы, — из-за резкого противоречия в наших газетах многих мнимых французских отчетов — и из-за обрушившихся на них оскорблений за ложь, преувеличение и гасконаду. Но разве это не возможно — разве это, в самом деле, не совершенно естественно, — что издатели даже заведомой лжи должны проявлять такую осторожность и отвращение к преувеличениям, чтобы легче завоевать доверие? Не является ли также весьма вероятным, что те, кто действительно верил в то, что они опубликовали, могли заподозрить простое *преувеличение* в историях, которые были полностью *вымыслом*? Многим людям свойственна такая простота, что они считают себя вполне защищенными от обмана, при условии, что они верят только *части* истории, которую они слышат; когда, возможно, все в равной степени ложно. Так что, возможно, эти простодушные редакторы, которые так яростно выступали против лживых бюллетеней и так осторожно сообщали свои великие новости, были в положении клоуна, который думает, что купил еврея по выгодной цене, потому что тот сбил цену, возможно, с гинеи до кроны, за какую-то статью, которая на самом деле гроша ломаного не стоит.

Что касается *характера* Буонапарте, диссонанс, если это возможно, еще больше. По мнению одних, он был мудрым, гуманным, великодушным героем; другие рисуют его чудовищем жестокости, подлости и вероломства; некоторые, даже из тех, кто наиболее яро настроен против него, очень высоко отзываются о его политических и военных способностях; другие ставят его на самую грань безумия. Но, допуская, что все это может быть окрашено партийными предрассудками (что, безусловно, многое допускает), есть один момент, к которому такое решение вряд ли применимо: если и есть что-то, что можно четко установить в истории, то, казалось бы, это должно быть

личное мужество военного; и все же здесь мы в такой же растерянности, как и всегда; в одно и то же время и в одних и тех же случаях разные авторы описывают его как человека неустрашимого и абсолютного труса.

Во что же тогда мы должны верить? Если мы склонны верить всему, что нам говорят, мы должны верить в существование не только одного, но и двух или трех Буонапарте; если мы не признаем ничего, кроме того, что хорошо подтверждено, мы будем вынуждены усомниться в существовании кого-либо.^[9]

Таким образом, представляется, что те, на основании чьих показаний обычно верят в существование и действия Буонапарте, терпят неудачу по ВСЕМ наиболее важным пунктам, от которых зависит достоверность показаний свидетелей: во-первых, у нас нет уверенности, что у них есть доступ к правильной информации; во-вторых, они явно заинтересованы в распространении лжи; и, в-третьих, они явно противоречат друг другу в наиболее важных моментах.

Еще одно обстоятельство, которое бросает дополнительное подозрение на эти истории, заключается в том, что партия вигов, как их называют — горячие защитники свободы и противники посягательств монархической власти, — в течение некоторого времени усиленно поддерживала дело и отстаивала характер Бонапарта, которого все представляют если не тираном, то, по крайней мере, абсолютным деспотом. Одним из самых активных сторонников этого дела является джентльмен, который когда-то был первым, кто предал этого самого человека публичному поруганию, который первым опубликовал и долгое время поддерживал, несмотря на всеобщее недоверие, отчеты о его зверствах в Египте. Теперь, когда такой курс должен быть принят в партийных целях, тем, кто знает, что вся эта история — вымысел, а герой в ней воображаемый, кажется не таким уж невероятным; но если бы они верили в реальное существование этого деспота, я не могу представить, как они могли настолько поступиться своими принципами, чтобы защищать его дело и восхвалять его характер.

Помимо множества странных и невероятных обстоятельств в истории Бонапарта, на которые мы уже обратили внимание, есть много других, о двух из которых, возможно, стоит упомянуть.

Одним из самых невероятных является полученное сообщение о людях, известных как "Детенус". Хорошо известно, что в начале нынешнего столетия большое количество английских джентльменов провели много лет за границей; по их собственному признанию, во Франции. Их заявление состояло в том, что, путешествуя по этой стране для своего развлечения в качестве мирных туристов, они были внезапно захвачены этим ужасным Бонапартом в результате внезапного начала войны и около двенадцати лет содержались в плену вопреки всем обычаям цивилизованных наций — всем принципам справедливости, гуманности, просвещенной политики; многие из них таким образом провели в плену самую важную часть своей жизни и лишились всех своих перспектив.

Я не осмеливаюсь предполагать, были ли эти люди на самом деле изгнанниками по собственному выбору, чтобы держаться подальше от кредиторов или чтобы

наслаждаться обществом тех, кого они предпочитали своему собственному домашнему кругу. Но пусть читатель подумает, может ли *какая-либо* гипотеза быть *более* невероятной, чем фактически сделанное утверждение.

Действительно, вполне вероятно, что честолюбие может побудить беспринципного человека пойти на самые огромные жертвы в человеческой жизни и совершить самые чудовищные преступления ради продвижения своих завоевательных взглядов. Но то, что этот *великий* человек, каким его обычно считают даже противники, этот герой, по мнению некоторых, этот прославленный воин и могущественный государь, опустил до того, чтобы быть виновным в акте низкой и мелкой злобы, достойном злобной старухи, — образце ничтожной жестокости, которая никоим образом не могла способствовать его успеху в войне или произвести какой-либо эффект, кроме как унижить его страну и вывести из себя нашу; — это, конечно, совершенно невероятно. "Писарро, - говорит Эльвира в пьесе Коцебу, - если и не всегда справедливо, то, по крайней мере, всегда поступай великодушно".

Но еще более удивительное обстоятельство, связанное с этой сделкой, остается позади. Говорят, что значительная часть английской нации, и среди них вся партия вигов, выразили самое яростное возмущение, смешанное с состраданием, по поводу изгнания из Европы и заключения на острове Святой Елены этого великого человека. Никакие соображения о мире и безопасности нашей собственной страны, никакой страх перед силой такого способного и неутомимого воина и такого закоренелого врага не должны были побудить нас, думали они, подвергнуть этого грозного персонажа заключению, которое было гораздо менее суровым, чем то, которому, как говорили, он подверг такое количество наших соотечественников, безобидных *невоющих* путешественников, которых (согласно истории) он похитил во Франции с единственной целью, кроме как удовлетворить самую низменную и недостойную мужчины злобу. .

Но то, что в этой истории нет правды и что в нее не поверили те, кто проявлял столько сочувствия и негодования по поводу этого великого человека, достаточно доказывается самим этим сочувствием и негодованием.

В рассматриваемой нами истории есть и другие поразительные невероятности, связанные с польской нацией. Бонапарте представлен как человек, всегда выражавший сильнейшее сочувствие этому обиженному народу; а они - как люди, преданно привязанные к нему и сражающиеся с предельной верностью и храбростью в его армиях, в которых некоторые из них достигли высоких командиров. Теперь в его власти было (согласно полученным сведениям) одним росчерком пера восстановить Польшу как независимое государство. Ибо в своей последней войне с Россией он полностью оккупировал страну (население которой было совершенно дружелюбным); русская часть ее принадлежала ему по праву завоевания; а Австрия и Пруссия, в то время его союзники и почти его подданные, с радостью отказались бы от своих частей в обмен на некоторые провинции, которые они уступили Франции и которые имели для него небольшую ценность, но для них - важное значение. И действительно, Пруссия была (как нам сказали) настолько унижена и ослаблена, что он мог бы легко добиться уступки прусско-Польши даже без какой-либо компенсации. И восстановление Польского

королевства было бы столь же очевидным политическим шагом, сколь и разумным. Независимость верного и преданного союзника, находящегося во вражде с окружающими нациями — теми самыми нациями, которые с наибольшей вероятностью могли объединиться (как они часто делали) против него, — это дало бы ему, без каких-либо затрат, своего рода сильный гарнизон для поддержания своей власти и сдерживания своих врагов.

Однако этого наиболее очевидного шага, как сообщает нам история, он не предпринял; но произносил льстивые речи в адрес поляков, пользовался их услугами и ничего для них не сделал!

Это само по себе достаточно маловероятно. Но, кроме того, мы должны верить, что поляки, вместо того, чтобы *проклинать* этого человека, который причинил им непростительную обиду, бессмысленно обманув ожидания, которые он в своих собственных целях возбуждал, тем самым добавляя предательства к неблагодарности, — вместо этого, продолжали до последнего быть столь же преданными ему, как и прежде, и даже сейчас боготворят его память! Короче говоря, мы должны верить, что этот Буонапарте не только в своем собственном поведении и приключениях нарушил все установленные правила вероятности, но и заставил всех других людей, всех, кто вступал с ним в контакт, действовать так, как никто из смертных никогда не поступал прежде: не можем ли мы добавить, что никто из смертных вообще никогда не действовал?

К этому списку можно было бы добавить множество других невероятностей, которые будут найдены в полном издании этой истории, из которого сейчас будут приведены некоторые выдержки, и которое было опубликовано (под названием "Исторические факты") Аристархом Ньюлайтом с ученым комментарием (на самом деле, не принимающим взгляды, изложенные на этих страницах, но), по изобретательности не уступающим более поздней работе о "Еврейской монархии".

В конце концов, можно ожидать, что многие, осознающие силу этих возражений, все же не захотят думать, что им и общественности в целом могли так долго и сильно навязываться. И таким образом, масштабность и дерзость мошенничества становится его лучшей поддержкой. Миллионы, которые на протяжении стольких веков верили в Магомета или Брахму, как бы опираются друг на друга в поисках поддержки; и, не имея достаточно силы духа, чтобы смело отбросить вульгарные предрассудки и осмелиться быть мудрее толпы, убеждают себя, что то, что столь многие признали, должно быть правдой. Но я призываю тех, кто хвастается своей философской свободомыслием и охотно пошел бы по стопам Юма и других исследователей подобного возвышенного и спекулятивного гения, честно и всесторонне следовать своим собственным принципам и, сбросив оковы авторитета, тщательно исследовать доказательства того, что им предлагается, прежде чем они признают их истинность.

То, что даже в наш, как его называют, просвещенный век целая нация может подвергаться вопиющему насилию, даже в вопросах, которые их глубоко касаются, может быть доказано (если это еще не доказано) следующим примером: в газетах было заявлено, что через месяц после Трафальгарской битвы английский офицер, который был военнопленным и был обменян, вернулся в эту страну из Франции и, начав

соболезновать своим соотечественникам по поводу ужасного *поражения*, которое они потерпели, был бесконечно удивлен, узнав, что битва при Трафальгаре закончилась неудачей. Трафальгар был великолепной победой. По его словам, его заверили, что в том сражении англичане потерпели полное поражение; и французы были полностью и повсеместно убеждены, что так оно и было. Теперь, если это сообщение о вере французской нации *не* соответствовало действительности, британская общественность была полностью введена в заблуждение; если это *было* правдой, то обе нации в одно и то же время радовались событию одной и той же битвы, как знаменательной победе для самих себя; и, следовательно, одна или другая, по крайней мере, из этих наций, должно быть, была одурачена своим правительством: ибо, если битва вообще не велась или не была решающей ни для одной из сторон, в этом случае обе стороны были обмануты. Этот пример, как я полагаю, абсолютно наглядно демонстрирует суть вопроса, о котором идет речь.

- Но что мы скажем о свидетельствах тех многих уважаемых людей, которые специально ездили в Плимут и видели Бонапарта собственными глазами? неужели они не должны доверять своим чувствам?" Я бы не стал принижать ни зрение, ни правдивость этих джентльменов. Я готов допустить, что они отправились в Плимут с целью увидеть Бонапарта; более того, они действительно вошли в гавань на лодке и поравнялись с военным кораблем, на палубе которого увидели человека в треуголке, который, *каким сказали*, был Бонапартом. Это крайний момент, на который указывают их показания; как они установили, что этот человек в треуголке пережил все удивительные и романтические приключения, которыми мы так долго забавлялись, нам не говорят. Разглядели ли они в его физиономии его истинное имя и подлинную историю? Поистине, эти свидетельства подобны тем, которые деревенские жители приводят для рассказа о привидениях; если вы обнаружите какие-либо признаки недоверия, они торжествуяще покажут тот самый дом, в котором обитало привидение, тот самый темный угол, где оно обычно исчезало, и, возможно, даже надгробный камень человека, смерть которого оно предсказало. Благородство Джека Кейда подкреплялось такими же неопровержимыми доказательствами: он утверждал, что старший сын Эдмунда Мортимера, графа Марча, был украден нищенкой, "стал каменщиком, когда достиг совершеннолетия" и был отцом предполагаемого Джека Кейда; один из его компаньонов подтверждает эту историю, говоря: "Сэр, он сделал дымоход в доме моего отца, и кирпичи живы по сей день, чтобы свидетельствовать об этом; поэтому не отрицайте этого".

Во многом такого же рода свидетельства есть у наших отважных соотечественников, которые готовы показать шрамы, полученные ими в боях против этого ужасного Бонапарта. Что они сражались и были ранены, они могут смело засвидетельствовать; и, вероятно, они не менее твердоверят тому, что им *сказали* относительно дела, за которое они сражались: было бы грубым нарушением дисциплины сомневаться в этом; и они, я полагаю, люди, более искусные в обращении с мушкетом, чем в проверке улик и выявлении обмана. Но я призываю любого из них выступить вперед и заявить, *опираясь на свои собственные знания*, за что он сражался, по чьим приказам действовали генералы противника, и действительно ли человек, отдавший эти приказы, добился тех великих свершений, о которых нам рассказывают.

Тогда пусть те, кто претендует на философскую свободу исследования, кто презирует основывать свои мнения на общепринятом мнении и прикрываться примером бездумной толпы, тщательно обдумают, каждый для себя, какие доказательства, предлагаемые, в частности, ему самому, в пользу существования такого человека, как Наполеон Бонапарт: — Я не имею в виду, существовал ли когда—либо человек, носящий это *имя*, ибо это вопрос несущественный; но совершал ли когда—либо такой человек все те удивительные поступки, которые ему приписывают; - тогда пусть он хорошенько взвесит возражения против существования такого человека, как Наполеон Бонапарт. эти доказательства (о которых я дал лишь поспешный и несовершенный набросок), и если он затем сочтет их чем-то *большим*, чем вероятность, мне остается только поздравить его с его легкой верой.

Но то же самое свидетельство, которое имело бы большой вес при установлении вещи, по сути своей вероятной, потеряет часть этого веса пропорционально тому, насколько засвидетельствованный факт маловероятен; и если оно будет приведено в поддержку чего-либо, что расходится с общепринятым опытом,^[10] будет немедленно отвергнута всеми здравомыслящими людьми. Давайте тогда рассмотрим, что это за история, которая предлагается к нашему принятию. Я уже отмечал, насколько сильно противоречат друг другу сообщения различных авторитетных источников; но рассмотрим саму по себе историю, рассказанную любым из них; на первый взгляд она отдает вымыслом и романтикой. Все события велики, и великолепны, и изумительны;^[11] великие армии,—великие победы,—великие заморозки,—великие неудачи, — "просторы шириной в волосок", - империи ниспровергнуты за несколько дней; все произошло вопреки политическим расчетам и в противовес *опыту* прошлых времен; все на основе этого грандиозный размах, столь распространенный в эпической поэзии, столь редкий в реальной жизни; и таким образом рассчитанный на то, чтобы поразить воображение вульгарных людей и напомнить немногочисленным трезвомыслящим о "Тысяче и одной ночи". Каждое событие также обладает той *округлостью* и завершенностью, которые так характерны для художественной литературы; ничто не делается наполовину; у нас есть *полные* победы, — *тотальные* ниспровержения, *полное* ниспровержение империй, — *совершенные* их восстановления, - которые обрушиваются на нас в быстрой последовательности. Перечисление невероятностей каждой из нескольких частей этой истории заняло бы тома; но они настолько свежи в памяти каждого, что нет необходимости в таких подробностях: пусть любой здравомыслящий человек, не несведущий в истории и человеческой природе, прокрутит их в уме и рассмотрит, насколько они соответствуют *Опыту*,^[12] наш лучший и единственный верный проводник. Тщетно будет он искать в истории нечто подобное этому замечательному Бонапарту; "никто, кроме него самого, не может быть ему параллелью".

Сравнятся ли завоевания Александра с его собственными? *Они* были совершены над толпой изнеженных, недисциплинированных варваров; иначе его прогресс вряд ли был бы таким быстрым: свидетельство тому его отец Филипп, который гораздо дольше был занят покорением сравнительно незначительной территории воинственных и цивилизованных греков, несмотря на то, что они были разделены на множество мелких

государств, взаимная зависть которых позволяла ему бороться с ними по отдельности. Но греки никогда не достигали такого прогресса в искусстве и вооружении, как великие и могущественные государства Европы, которые Бонапарт изображает столь быстро побеждающими. Его империю сравнивали с римской: обратите внимание на контраст; он за несколько лет получает то господство или, по крайней мере, контроль над богатой, цивилизованной и могущественной Германией, которого римляне при всей полноте своего могущества не могли добиться в течение стольких столетий борьбы с невежественными полудикарями, которые тогда владели ею; о которых Тацит замечает, что до его времени они были "скорее одержаны, чем покорены".

Еще одно странное обстоятельство в истории этого экстраординарного персонажа состоит в том, что, когда оказывается удобным представить его побежденным, хотя он ни в коем случае не побежден наполовину, а вовлечен в гораздо более внезапное и полное крушение, чем обычно встречаются персонажи реальной истории; тем не менее, если сочтут нужным, он будет восстановлен, это будет сделано так быстро и полностью, как если бы был пущен в ход жезл Мерлина. Он вступает в Россию с огромной армией, которая полностью разрушена беспрецедентно суровой зимой; (все, что связано с этим человеком, *поразительно и беспрецедентно*;) тем не менее, через несколько месяцев мы обнаруживаем, что ему доверена другая великая армия в Германии, которая также полностью разбита под Лейпцигом; таким образом, третья великая армия, включая египетскую, полностью потеряна; однако французы настолько добродушны, что предоставляют ему еще одну армию, достаточную для того, чтобы оказать грозное сопротивление во Франции; он, однако, *побежден и ему вручается суверенитет над Германией. Эльба*; (конечно, между прочим, можно было бы найти какой-нибудь более *вероятный* способ избавиться от него, пока он снова не понадобится, чем поместить его таким образом на самый край его древних владений;) оттуда он возвращается во Францию, где его принимают с распростертыми объятиями и дают возможность потерять пятую великую армию при Ватерлоо; однако эти люди так жаждали в шестой раз быть приведенными к уничтожению, что было сочтено необходимым заточить его на острове в нескольких тысячах миль отсюда и разместить на *нихиностранные* войска, чтобы не допустить их гибели. они должны поднять восстание в его пользу?^[13] Верит ли кто-нибудь во все это и все же отказывается верить в чудо? Или, скорее, что это, как не чудо? Разве это не нарушение законов природы? ибо, несомненно, существуют моральные законы природы, так же как и физические; которые, хотя и более подвержены исключениям в том или ином конкретном случае, не менее *истинны как общие правила*, чем законы материи, и поэтому не могут быть нарушены или опровергнуты *за определенным пределом*, без чуда.^[14]

Более того, есть одно дополнительное обстоятельство, которое делает противоречие Опыта в данном случае более вопиющим, чем противоречие историй чудес, которые хитроумные скептики презирают: все защитники чудес признают, что они представляют собой редкие исключения из общего хода природы; но утверждают, что они неизбежно должны быть таковыми из-за редкости тех экстраординарных *случаев*, которые являются *причиной* их совершения: чудо, говорят они, случается не каждый день, потому что не каждый день дается Откровение. Было бы чуждо настоящей цели искать аргументы против этого ответа; я оставляю на усмотрение тех, кто вовлечен в спор, найти ответ на него; но моя нынешняя цель состоит в том, чтобы указать, что это решение вообще не

применимо в данном случае. В чем особенность этого *случая*? Какая достаточная *причина* существует для серии событий, произошедших в восемнадцатом и девятнадцатом веках, которых никогда раньше не было? Была ли Европа в тот период особенно слабой и находившейся в состоянии варварства, что один человек мог добиться таких завоеваний и приобрести такую обширную империю? Напротив, она процветала на пике могущества и цивилизации. Можно ли объяснить стойкую привязанность и слепую преданность французов этому человеку тем, что он был потомком длинной линии королей, род которых был освящен наследственным почитанием? Нет; нам говорят, что он был низкородным узурпатором и даже не французом! Значит ли это, что он был хорошим и милосердным государем? Он представлен не только как властный и безжалостный деспот, но и как самый беспричинно беспечный по отношению к жизням своих солдат. Могли ли французская армия и народ не услышать от несчастных выживших участников его предполагаемой русской экспедиции, что они оставили трупы более 100 000 своих товарищей белеть в снежных заносах этой мрачной страны, куда завели его безумные амбиции и где его эгоистичная трусость покинула их? Куда бы мы ни обращались в поисках обстоятельств, которые могли бы помочь объяснить события этой невероятной истории, мы встречаемся только с такими, которые усугубляют ее невероятность.^[15] Если бы это было рассказано о какой-нибудь далекой стране в отдаленный период, мы не смогли бы сказать, какие особые обстоятельства могли там сложиться, чтобы сделать вероятным то, что кажется нам наиболее странным; и все же в *этом* случае каждый философский скептик, каждый свободомыслящий спекулянт немедленно отверг бы такую историю, как совершенно недостойную доверия. Что, например, сказал бы великий Юм или любой другой из философов его школы, если бы они нашли в древних летописях какой-либо нации такой отрывок, как этот? "Был некий человек с Корсики, которого звали Наполеон, и он был одним из главных военачальников войска французов; и он собрал армию, и пошел воевать против Египта; но когда король Британии услышал об этом, он послал военные корабли и доблестных людей воевать против французов в Египте. Итак, они воевали против них, и одержали победу, и укрепили руки правителей страны против французов, и прогнали Наполеона от города Акко. Затем Наполеон оставил капитанов и армию, которые были в Египте, бежал и вернулся обратно во Францию. Итак, французский народ взял Наполеона и поставил его правителем над собой, и он стал необычайно велик, настолько, что не было никого подобного ему из всех, кто правил Францией раньше".

Что, спрашиваю я, подумал бы об этом Юм, особенно если бы ему сказали, что в наши дни это считается общепринятым? Разве он не признался бы, что ошибался, полагая, что существует особенно слепая доверчивость и предубеждение в пользу всего, что считается *священным*;^[16] для этого, поскольку даже отъявленные скептики безоговорочно принимают такую историю, как эта, похоже, должно быть еще более слепое предубеждение в пользу всего, что *не* учитывается священный?

Предположим, опять же, что мы нашли в этой истории такие отрывки, как следующий: "И было так, что после этих событий Наполеон укрепился и собрал другое войско вместо того, которое он потерял, и пошел войной против пруссаков, и русских, и австрийцев, и всех правителей северной страны, которые были в союзе против него. И правитель Швеции, который также был французом, воевал против Наполеона. Итак, они выступили

вперед и сражались против французов на равнине Лейпцига. И французы были сбиты с толку своими врагами, и обратились в бегство, и пришли к рекам, которые находятся за Лейпцигом, и попытались перейти, чтобы спастись от рук своих врагов; но они не могли, потому что Наполеон разрушил мосты; поэтому народы северных стран напали на них и устроили им очень жестокую резню "....

"Тогда правитель Австрии и все правители северных стран послали гонцов к Наполеону, чтобы мирно поговорить с ним, говоря: " Почему между нами должна быть война?" Теперь Наполеон расстался со своей женой и взял в жены дочь правителя Австрии. Итак, все советники Наполеона пришли и встали перед ним и сказали: "Смотри, теперь эти короли - милосердные короли; делай именно так, как они говорят тебе; разве ты еще не знаешь, что Франция уничтожена?" Но он грубо обратился к своим советникам и изгнал их из своего присутствия, не желая прислушиваться к их голосу. И когда все короли увидели это, они пошли войной на Францию, и поразили ее острием меча, и приблизились к Парижу, который является королевским городом, чтобы взять его; и вышли жители Парижа и сдали им город. Тогда те короли ласково обратились к жителям Парижа, сказав: ободритесь, с вами ничего плохого не случится. Тогда жители Парижа обрадовались и сказали: "Наполеон - тиран; он больше не будет править нами". Также все принцы, судьи, советники и военачальники, которых Наполеон возвысил даже из низов народа, послали к Людовику брата короля Людовика, которого они убили, и сделали его королем Франции". ...

"И когда Наполеон увидел, что королевство отошло от него, он сказал правителям, выступившим против него, позвольте мне, прошу вас, отдать королевство моему сыну; но они не послушали его. Затем он заговорил еще раз, сказав: позвольте мне, прошу вас, уехать и жить на острове Эльба, который находится напротив Италии, недалеко от побережья Франции; и вы дадите мне содержание для меня и моего семейства, а также землю Эльба во владение. Поэтому они сделали его правителем Эльбы"....

"В те дни папа вернулся в свою страну. Французы и многие другие народы Европы являются слугами папы Римского и относятся к нему с благоговением; но он отвратителен для британцев, и для пруссаков, и для русских, и для шведов. Однако французы отобрали все его земли, отняли у него все, что у него было, и увезли пленником во Францию. Но когда бритты, и пруссаки, и русские, и шведы, и остальные народы, которые были в союзе против Франции, пришли туда, они заставили французов освободить папу и вернуть все его имущество, которое они отняли; точно так же они вернули ему все его владения; и он с миром вернулся домой и правил своим собственным городом, как в прошлые времена "....

И было так, что, когда Наполеон еще не пробыл на Эльбе и года, он сказал своим воинам, которые примкнули к нему: "Давайте вернемся во Францию и сразимся с

королем Людовиком и свергнем его с поста короля". И он ушел, он и шестьсот человек с ним, которые обнажили меч и воевали против короля Людовика. Тогда все люди Велиала собрались вместе и сказали: Боже, храни Наполеона. И когда Льюис увидел это, он бежал и привел его в землю Батавии: и Наполеон правил Францией", & с. & с. & с.[17]

Теперь, если бы свободомыслящий философ - один из тех, кто защищает дело непредвзятого разума и презирает мнимые откровения, — встретился с таким набором абсурдов, как этот, в старых еврейских записях, разве он не отверг бы это сразу как слишком явный обман[18], чтобы заслуживать даже какого—либо расследования ее доказательств? Заслуживает ли доверия то, что сейчас говорят о цивилизованных европейцах, чего нельзя было бы подтвердить никакими свидетельствами, если бы сообщалось о полуварварских евреях 3000 лет назад? Ответят ли на это, что "во всем этом нет ничего *сверхъестественного*"? Почему же тогда вы возражаете против того, что является *сверхъестественным*, что вы отвергаете все сообщения *очудесах*, если не потому, что они *невероятны*? Тогда, конечно, история, столь же или даже более невероятная, не должна приниматься безоговорочно только на том основании, что она *не* чудесна: хотя на самом деле, как я уже *показал (в примечании, стр. 39), опираясь на авторитет Юма*, она в самом деле является, по сути дела, чудесной. Было доказано, что в этом случае противоположность Опыту столь же полна, как и в том, что обычно называют чудесами; и причины, приводимые для такой противоположности защитниками *них*, не могут быть использованы в данном случае. Таким образом, если философы, которые отвергают все удивительные истории, поддерживаемые священниками, все же готовы поверить *всему остальному*, каким бы невероятным оно ни было, они, несомненно, подставят себя под обвинение, выдвинутое против них в чрезмерном предубеждении ко всему, что относится к религии.

Есть еще одно обстоятельство, о котором я не могу не упомянуть, потому что оно так сильно усиливает атмосферу вымысла, которая пронизывает каждую часть этой чудесной истории; и это ее.[19]

Бонапарт одержал победу по очереди над всеми враждебными государствами, *кроме Англии*; в зените его могущества его флоты были сметены с моря *Англией*; его войска всегда побеждают равное, а часто даже превосходящее количество войск любой другой нации, *кроме англичан*; а с ними все как раз наоборот; дважды, и только дважды, он лично сражался с *английским командующим*, и оба раза он потерпел полное поражение; при Акко и при Ватерлоо; и в довершение всего, *Англия* наконец сокрушает эту огромную мощь, которая так долго держала континент в подчинении или в тревоге; и *англичанам* он сдается в плен! Совершенно национальный, будьте уверены! Все это *может* быть чистой правдой; но я хотел бы только спросить, *если бы история была* сфабрикована специально для того, чтобы позабавить английскую нацию, можно ли было придумать ее более изобретательно? Это превосходно подошло бы для эпической поэмы; и действительно, имеет значительное сходство с "Илиадой" и "Энеидой", в которых Ахилл и греки, Эней и троянцы, (предки римлян) так старательно вызывают восхищение. Подвиги Бонапарта кажутся преувеличенными для того, чтобы

приумножить славу его победителей; точно так же Гектору позволено торжествовать победу в отсутствие Ахилла, просто чтобы придать дополнительный блеск своему поражению рукой этого непобедимого героя. Разве одно это обстоятельство не сделало бы историю довольно *подозрительной* в глазах проницательного критика, даже если бы она не была наполнена такими вопиющими неправдоподобиями, и не побудило бы его отложить свое суждение до тех пор, пока не будут представлены весьма удовлетворительные доказательства (гораздо более веские, чем можно найти в данном случае)?

Не слишком ли много требовать от осторожного академика[20] приостановки суждений о "жизни и приключениях Наполеона Бонапарта"? Я не претендую на то, чтобы *решить* положительно, что такого человека нет и никогда не было; но просто предлагаю это как *сомнительный* момент, тем более заслуживающий тщательного изучения, что до сих пор он был принят без расследования. Гораздо меньше я взялся бы решать, каково есть или было реальное положение дел. Тот, кто указывает на невероятность текущей истории, не обязан предлагать свою собственную гипотезу;[21] хотя можно с уверенностью утверждать, что было бы трудно изобрести что-либо более невероятное, чем полученное. Конечно, можно колебаться, принимая рассказы древних поэтов о землетрясениях и извержениях вулканов, вызванных плененными гигантами, не будучи призванным дать удовлетворительное объяснение этим явлениям.

При недостатке достоверных доказательств, с которыми, как я уже показал, мы работаем в данном случае, едва ли возможно предложить что-то большее, чем отдельные вероятные догадки; или сказать, сколько может быть правдивого, а сколько вымышленного в представленных нам отчетах. Ибо следует заметить, что этот случай гораздо *более* открыт для скептических сомнений, чем даже некоторые истории чудес; поскольку некоторые из *них* таковы, что вы не можете последовательно признать часть и отвергнуть остальное; но обязаны, если вы удовлетворены реальностью какого-либо одного чуда, охватить всю систему; так что скептику необходимо оспорить свидетельства *всех* них, отдельно и коллективно: тогда как *здесь* каждый отдельный пункт требует *подтверждения* отдельно, поскольку ни один из них не подтверждает подлинность остальных. Предположим, что на острове Святой Елены есть государственный заключенный (во что, кстати, многие французы, как известно, не верят), откуда мы знаем, кто он такой и почему его там держат? До сих пор были государственные заключенные, которые никогда не были виновны в порабощении половины Европы, и чьи преступления были очень несовершенно установлены. Из признания того, что в течение нескольких прошедших лет происходили кровопролитные войны, что весьма вероятно, не следует, что события этих войн были такими, как нам рассказывали; — что Буонапарте был их автором и дирижером; — или что такой человек когда-либо существовал. Какие беспорядки могли иметь место в правительстве французского народа, мы и даже девятнадцать двадцатых из *них* не имеем возможности узнать, кроме как из несовершенных свидетельств с чужих слов; и то, насколько они сами доверяют этим свидетельствам, очень сомнительно. По крайней мере, в этом можно быть уверенным: некий М. Беррье, французский адвокат, опубликовал мемуары, утверждая, что описал многие события недавней истории Франции, в которых, среди прочего, он выражает свою убежденность в том, что побег Бонапарта с Эльбы был

спланирован английским правительством.^[22] И многие путешественники уверяют нас, что об этом часто сообщали во Франции.

Теперь, когда французы должны поверить всей истории о Бонапарте в соответствии с этой ее версией, это кажется совершенно невероятным. Пусть кто—нибудь предположит, что они всерьез верят, что мы в течение многих лет вели отчаянную борьбу против этого их грозного императора, в ходе которой мы потратили такое огромное количество крови и сокровищ, как сообщается; — что нам, наконец, после огромных опасностей, удалось подчинить его и обеспечить ему безопасное изгнание; - и что менее чем через год мы снова выгнали его, как вьючную лису, или, скорее, вьючного льва, — ради забавы самих себя, снова поставив все, что было нам дорого, на случай нападения. сомнительная и кровопролитная битва, в которой поражение должно быть разорительным, а победа, если она вообще будет достигнута, должна стоить нам многих тысяч наших лучших солдат. Пусть кто-нибудь заставит себя на мгновение представить, что французы всерьез верят в такую массу абсурда; и напрашивается вывод, что такой народ должен быть готов поверить во что угодно. Они могли бы вообразить, что их собственная страна изобилует не только наполеонами, но и драконами, и кентаврами, и "людьми, чьи головы растут ниже плеч", или чем угодно еще, о чем когда-либо мечтал любой сумасшедший. Если бы мы могли предположить, что французы способны на такую чудовищную доверчивость, какую предполагает приведенное выше предположение, то ясно, что их показания не имели бы никакой ценности.

Но, с другой стороны, предположим, что они знают, что британское правительство все это время навязывалось нам, и вполне естественно, что они высмеивают нашу доверчивость и пытаются выяснить, нет ли чего-нибудь слишком экстравагантного, чтобы мы могли проглотить. И действительно, если Бонапарте на самом деле был всего лишь призраком, созданным британскими министрами, *товерно*, что его побег с Эльбы на самом деле *был*, как и *остальные его подвиги*, их выдумкой.

Но во что бы ни верили французы относительно недавних событий в их собственной стране и каким бы ни был реальный характер этих событий, по крайней мере, в этом мы твердо уверены, что с Францией было множество кровопролитных войн под властью *бурбонов*: и теперь нам говорят, что Францией правит король-бурбон по имени Людовик, который утверждает, что находится на двадцать третьем году своего правления. Пусть каждый догадывается сам. Я далек от того, чтобы претендовать на то, чтобы решать, кто мог быть губернатором или губернаторами французской нации и руководителями их армий на протяжении нескольких прошедших лет. Несомненно, что когда люди потворствуют своей склонности к чудесному, они всегда проявляют сильную склонность накапливать на *одном* индивидууме (реальном или воображаемом) подвиги многих; помимо того, что они тысячекратно умножаются и преувеличиваются. Таким образом, толкователи древней мифологии сообщают нам, что было несколько личностей по имени Геракл (либо изначально носивших это имя, либо его применяли к ним в качестве почетного звания), чьи коллективные подвиги, после того как их нарядили в достаточно удивительные одежды, были приписаны одному герою. Разве не

возможно, что во время ярости на слова греческого происхождения титул "Наполеон" (Ναπολεων), что означает "Лесной лев", мог быть присвоен народным голосом не одному любимому генералу, отличавшемуся непреодолимой доблестью? Не возможно ли также, что "Buona Parte" первоначально могло быть своего рода жаргонным термином, применяемым к "хорошей (т. е. самой храброй или патриотической) части" французской армии в совокупности; и впоследствии было ошибочно принято за собственное имя отдельного человека?[23] Я не утверждаю, что поддерживаю эту гипотезу; но несомненно, что такие ошибки могут происходить. Некоторые критики предположили, что афиняне представляли себе Анастасис ("Воскресение") новой богиней, во имя которой проповедовал Павел. Сочли бы ли мы что-нибудь невероятным, если бы нам сказали, что древние персы, не имевшие представления ни о чем, кроме монархического правления, предполагали, что Аристократия - это царица Спарты? Но нам нет необходимости ограничиваться гипотетическими случаями; положительно утверждается, что индусы в наши дни верят, что "достопочтенная Ост-Индская компания" - это почтенная пожилая леди высокого достоинства, проживающая в этой стране. Современные германцы, опять же, получили свое название из-за подобной ошибки: первое их племя, вторгшееся в Галлию[24] принял почетный титул "*германец*", что означает "воины" (слова "война" и "*guerre*", а также "человек", которые остались в нашем языке). неизменный, очевидно, происходит от тевтонского), и галлы применяли это как *название* ко всей *расе*.

Однако я просто отбрасываю эти гипотезы, ни в коем случае не утверждая, что более правдоподобные не могут быть предложены. Но какое бы предположение мы ни приняли или примем ли вообще, возражения против общепринятых версий останутся в своей полной силе и настоятельно потребуют внимания искреннего скептика.

Поэтому я призываю тех, кто называет себя сторонниками свободного исследования, кто презирает плыть по течению общественного мнения и кто не станет прислушиваться ни к каким свидетельствам, идущим вразрез с опытом, — честно и последовательно следовать своим собственным принципам. Пусть один и тот же способ аргументации будет принят во всех случаях одинаково; и тогда его можно будет приписать уже не враждебному предубеждению, а расширенным философским взглядам. Если они уже отвергли некоторые истории на том основании, что они странные и изумительные, — что связанные с ними факты беспрецедентны и расходятся с установленным ходом природы, — пусть они не отдадут должное другой истории, которая вызывает те же возражения, — необычной и романтической истории, которую мы только что рассматривали. Если они дискредитировали показания свидетелей, которые, по *словам* по крайней мере, были бескорыстны и не боялись преследований и смерти в поддержку своих утверждений, могут ли эти философы последовательно слушать и верить показаниям тех, кто открыто *зарабатывает деньги* на публикуемых ими рассказах и кто даже не притворяется, что подвергается какому-либо серьезному риску в случае разоблачения во лжи? Если в других случаях они отказались выслушать отчет, который прошел через множество промежуточных рук, прежде чем дошел до них, и который защищают те, кто заинтересован в его сохранении; пусть они подумают, через сколько и через какие очень подозрительные руки *эта* история попала к ним, без возможности,

как я показал, в конце концов, отследить ее до какого—либо определенно достоверного источника; — до какого-либо лучшего авторитета, согласно их собственным показаниям, чем у *неназванного* и неизвестного иностранного корреспондента; - и точно так же, насколько силен интерес, во всех отношениях, те, кто до сих пор навязывался им, продолжают этот обман. Короче говоря, пусть они покажут, что готовы разоблачать мошенников и презирать басни политиков так же, как и священников.

Но если они все еще придерживаются общепринятого мнения в этом вопросе, пусть они будут достаточно последовательны, чтобы признать те же доказательства в *других* случаях, которым они подчиняются в *этом*. Если после всего сказанного они не могут заставить себя усомниться в существовании Наполеона Бонапарта, они должны, по крайней мере, признать, что они не применяют к этому вопросу тот же план рассуждений, который они использовали в других; и, следовательно, они обязаны разумно и честно отказаться от него полностью.

СНОСКИ:

[3] "Распространился слух (говорит Вольтер в одной из своих работ), что в той или иной стране обитает великан величиной с гору; и люди в настоящее время вступают в жаркие споры относительно точной длины его носа, ширины большого пальца и других подробностей и предают друг друга анафеме за неортодоксальность веры в них. Посреди всего этого, если какой-нибудь смелый скептик осмелится заикнуться о сомнении в существовании этого гиганта, все готовы объединиться против него и разорвать его на куски". Это выглядит почти как пророческая аллегория, относящаяся к гигантскому Наполеону.

[4] Οὕτως ἀταλαίπωρος τοῖς πολλοῖς ἡ ζήτησις τῆς ἀληθείας, καὶ ἐπὶ τὰ ἔσται μᾶλλον τρέπονται. Фукид. до н.э. 20.

[5] "С какой жадностью принимаются чудесные рассказы путешественников, их описания морских и наземных чудовищ, их рассказы о чудесных приключениях, странных людях и грубых манерах!" — *Эссе Юма о чудесах*, стр. 179, 12mo; стр. 185, 8vo, 1767; стр. 117, 8vo, 1817.

Примечание. Чтобы дать как можно больше ссылок, обычно использовались три издания *Эссе Юма*: 12mo, Лондон, 1756, и два 8vo издания.

[6] "Предположим, что факт передается через двадцать человек; первый сообщает его второму, второй третьему и т.д., и пусть вероятность каждого свидетельства выражается девятью десятymi (то есть предположим, что из десяти сообщений, сделанных каждым свидетелем, только девять являются правдивыми), тогда каждый раз, когда история переходит от одного свидетеля к другому, доказательства сводятся к девяти десятым от

того, что было раньше. Таким образом, после того, как оно пройдет через все двадцать, будет обнаружено, что доказательств меньше одной восьмой". -Ла Плейс, *Философские очерки вероятности*.

То есть шансы на то, что подтвержденный таким образом факт окажется правдой, будут, согласно этому выдающемуся калькулятору, меньше одного к восьми. Однако очень немногие из распространенных газетных репортажей, относящихся к зарубежным странам, могли бы быть прослежены, если бы дело было тщательно расследовано, вплоть до реального очевидца, даже через двадцать промежуточных свидетелей; и многие ступени нашей лестницы, боюсь, оказались бы весьма гнилыми; немногие из репортеров заслуживали бы того, чтобы *одна из десяти* была зафиксирована как доля их ложных сообщений.

[7] "Я не упоминал о сложности обнаружения лжи в любой частной или даже публичной истории, в то время и в том месте, где, как говорят, это произошло; тем более там, где сцена удалена на очень небольшое расстояние.... Но дело никогда не доходит до решения, если полагаться на обычный метод препирательств, дебатов и распространяемых слухов". —*Эссе Юма о чудесах*, стр. 195, 12mo; стр. 200, 201, 8vo, 1767; стр. 127, 8vo, 1817.

[8] Смотрите третий постскрипtum, приложенный к этому изданию.

[9] "Мы питаем подозрение относительно любого факта, когда свидетели *противоречат* друг другу; когда у них *подозрительный* характер; когда у них есть *интерес* к тому, что они утверждают". —*Эссе Юма о чудесах*, стр. 172, 12mo; стр. 176, 8vo, 1767; стр. 113, 8vo. 1817.

[10] "То, что само свидетельство черпает всю свою силу из опыта, кажется вполне определенным.... Мы полагаем, что первым автором, который справедливо указал на связь между доказательствами свидетельства и доказательствами опыта, был Юм в своем *Эссе о чудесах*, произведении ... изобилующий принципами, весьма полезными в образе жизни". —*Эдин. Обзор*, сентябрь 1814 г., стр. 328.

[11] "Предположим, например, что факт, который пытается установить свидетельство, относится к экстраординарным и чудесным; в этом случае доказательства, вытекающие из свидетельства, уменьшаются, больше или меньше пропорционально тому, насколько факт более или менее необычен". —*Эссе Юма о чудесах*, стр. 173, 12mo; стр. 176, 8vo, 1767; стр. 113, 8vo, 1817.

[12] "Окончательный стандарт, с помощью которого мы решаем все споры, которые могут возникнуть, всегда выводится из опыта и наблюдений". —*Эссе Юма о чудесах*, стр. 172, 12mo; стр. 175, 8vo, 1767; стр. 112, 8vo, 1817.

[13]

Ἡθαύματα πολλά.

Καὶ τοῦ τι καὶ βροτῶν φρένας

ὑπὲρ τὸν ἀληθὲν λόγον

Δεδεδιδαλμένοι ψεύδεσι ποικίλοις

[14] Эта доктрина, хотя и вряд ли нуждающаяся в подтверждении со стороны авторитетов, поддерживается доктриной Юма; его восьмое эссе на протяжении всего является аргументом в пользу доктрины "философской необходимости", полностью основанной на общем единообразии, наблюдаемом в ходе природы в отношении принципов *человеческого поведения*, а также принципов материальной вселенной; из этого единообразия, по его наблюдениям, вытекает что мы способны *в обоих случаях* формировать наше суждение посредством *опыта*: "и если, - говорит он, - мы хотим разоблачить любую историческую фальсификацию, мы не можем использовать более убедительный аргумент, чем доказать, что действия, приписываемые какому-либо лицу, прямо противоречат ходу природы

"... Правдивость Квинта Курция столь же подозрительна, когда он описывает сверхъестественную храбрость Александра, благодаря которой он поспешил в одиночку атаковать множество людей, как и когда он описывает его сверхъестественную силу и активность, благодаря которым он смог противостоять им. Так легко и повсеместно мы признаем *единообразие в человеческих мотивах и действиях, а также в функционировании тела*." —Восьмое эссе, стр. 131, 12mo; стр. 85, 8vo, 1817.

Соответственно, в десятом эссе использование им термина "чудо" после того, как он назвал его "нарушением закона природы", ясно показывает, что он имел в виду *человеческую природу*: "никакого свидетельства, - говорит он, - недостаточно для установления чуда, если только свидетельство не такого характера, что его ложь была бы более чудесной, чем факт, который оно пытается установить". Термин "вундеркинд" также (который он все время использует как синоним слова "чудо") применяется к свидетельству таким же образом, сразу после; "В приведенных выше рассуждениях мы предположили ... что ложность этого свидетельства была бы своего рода *вундеркиндом*". Теперь, если бы он намеревался ограничить значение "чуда" и "вундеркинда" нарушением законов *материи*, эпитет "*чудесный*", применяемый даже гипотетически к *ложному свидетельству*, был бы таким же бессмысленным, как эпитеты "зеленый" или "квадратный"; единственный возможный смысл, в котором мы можем применить к нему, даже в воображении, термин "*чудесный*", — это "в высшей степени невероятный", "противоречащий тем законам природы, которые уважают человеческое поведение". и в этом смысле он соответственно использует это слово в самом следующем предложении: "Когда кто-либо говорит мне, что он видел мертвеца, возвращенного к жизни, я немедленно обсуждаю с самим собой, является ли более *вероятным*, что этот человек либо обманул, либо был обманут, или что факт, о котором он рассказывает, действительно должен был произойти. Я сравниваю одно чудо с другим". —Эссе Юма о чудесах, стр. 176, 177, 12mo; стр. 182, 8vo, 1767; стр. 115, 8vo, 1817.

Смотрите также приведенный выше отрывок из того же эссе, где он говорит о "*чудесных* рассказах путешественников"; очевидно, используя это слово в этом смысле.

Возможно, было излишне ссылаться на авторитет в применении термина "чудо" ко всему, что является "в высшей степени невероятным"; но для изучающих Юма важно

полностью осознавать, что он использует эти два выражения как синонимы; поскольку в противном случае они ошибочно поняли бы значение этого отрывка, который он справедливо называет "общей максимой, достойной вашего внимания".

[15] "События могут быть настолько экстраординарными, что их вряд ли можно установить по свидетельским показаниям. Мы бы не отдали должное человеку, который утверждал бы, что видел сотню брошенных в воздух игральные кости и что все они выпали на одни и те же грани". — *Эдин. Ревью*, сентябрь 1814 г., стр. 327.

Следует заметить, что приведенный здесь пример чудесен только в том смысле, что он в высшей степени *невероятен*.

[16] "Если дух религии соединяется с любовью к чудесам, здравому смыслу приходит конец; и человеческое свидетельство в этих обстоятельствах теряет все претензии на авторитет". — *Эссе Юма о чудесах*, стр. 179, 12mo; стр. 185, 8vo, 1767; стр. 117, 8vo, 1817.

[17] Предполагаемая история, из которой приведены приведенные выше выдержки, полностью опубликована в работе под названием *Исторические достоверности*.

[18] "Я желаю, чтобы любой положил руку на сердце и после серьезного размышления заявил, считает ли он, что ложь такой книги, подкрепленная таким свидетельством, была бы более экстраординарной и чудесной, чем все чудеса, о которых она рассказывает". — *Эссе Юма о чудесах*, стр. 200, 12mo; стр. 206, 8vo, 1767; стр. 131, 8vo, 1817.

Следует иметь в виду, что Юм (как я уже отмечал выше) постоянно использует термины "чудо" и "вундеркинд" для обозначения всего, что является в высшей степени *невероятным и экстраординарным*.,,

[19] "Мудрые придают академическую веру каждому отчету, который поощряет страсть репортера, будь то восхваление его *страны*, его семьи или его самого". — *Эссе Юма о чудесах*, стр. 144, 12mo; стр. 200, 8vo, 1767; стр. 126, 8vo, 1817.

[20] "Ничто не может быть более противоположным такой философии (академической или скептической) бездеятельной лености ума, его опрометчивому высокомерию, его возвышенным претензиям и его суеверной доверчивости". — *Пятое эссе*, стр. 68, 12mo; стр. 41, 8vo, 1817.

[21] См. *Эссе Юма о чудесах*, стр. 189, 191, 195, 12mo; стр. 193, 197, 201, 202, 8vo, 1767; стр. 124, 125, 126, 8vo, 1817.

[22] См. *Эдинбургское обозрение* за октябрь 1842 г., стр. 162.

[23] Хорошо известно, с какой ученостью и изобретательностью рационалисты немецкой школы старались дискредитировать буквальное толкование повествований, как Ветхого, так и Нового Заветов; представляя их как МИФЫ, то есть басни, аллегорически описывающие некоторые физические или моральные явления — философские принципы — системы и т.д. — в образе действий, совершаемых определенными идеальными персонажами; впоследствии, по ошибке вульгаристов, в эти аллегории поверили как в историю. Таким образом, реальное историческое

существование такого человека, как предполагаемый основатель христианской религии, и приписываемые ему деяния отрицаются в буквальном смысле, а вся евангельская история объясняется на основе "мифической" теории.

Примечательным обстоятельством в связи с обсуждаемым нами вопросом является то, что выдающаяся писательница нашего столетия четко заявила, что Наполеон Бонапарт был НЕ ЧЕЛОВЕКОМ, а СИСТЕМОЙ.

[24] Germaniæ vocabulum recens et nuper additum; quoniam qui primi Rhenum transgressi Gallos expulerint, ac nunc Tungri, tunc Germani vocati sint: ita nationis nomen in nomen gentis evaluisse paullatim, ut omnes, primum a victore ob metum, mox a seipsis invento nomine, Germani vocarentur.—*Tacitus, de Mor. Зародыш.*

ПОСТСКРИПТУМ К ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНИЮ.

Может показаться самонадеянным, что малоизвестный и безымянный человек претендует на славу того, что предал смерти самого грозного из всех известных героев. Но призрачный чемпион может быть свергнут призрачным противником. Много ужасных призраков было отброшено лучами свечи за полпенни. И если на предыдущих страницах мне удалось изложить вероятный случай подозрения, то, я думаю, следует признать, что у моего нынешнего хвостовства тем, что я *убил* Наполеона Бонапарта, есть некоторые основания.

Давайте рассмотрим обстоятельства дела. Этот могущественный император, который так долго был пугалом цивилизованного мира, после того, как добился успехов и претерпел неудачи, каких никогда не случалось ни с одним (по крайней мере, с другим) *настоящим* властелином, был в конце концов приговорен к заключению на

отдаленном острове Святой Елены: мера, которой многие удивлялись, а многие возражали по разным причинам; небезосновательно, если предположить, что прославленный изгнанник был реальным человеком; но при предположении, что он был всего лишь соломенным человеком, ситуация была чрезвычайно благоприятной для того, чтобы убрать его с дороги из дерзкого любопытства, когда в нем нет необходимости, и за то, что он стал основой любых новых заговоров, которые могли бы представиться для выдумывания.

На этом этапе эти страницы впервые привлекли внимание общественности к вопросу о реальном существовании Наполеона Бонапарта. Можно справедливо предположить, что они вызвали наряду с большим удивлением и большим порицанием некоторую степень сомнения и, вероятно, последовавшего за этим расследования. Насколько я могу судить, не было представлено никаких новых доказательств истинности спорных моментов, чтобы развеять эти сомнения. Однако мы слышали о самых ревностных мерах предосторожности, принимаемых для предотвращения любых сношений между грозным узником и любым незнакомцем, который из любопытства мог пожелать навестить его. "Человек в железной маске" вряд ли мог находиться в более строгой изоляции: и мы также слышали различные противоречивые сообщения о разговорах между ним и теми немногими, кому был разрешен доступ к нему; ложность и противоречивость большинства этих сообщений доказывается в современных публикациях.

Наконец, примерно в то время, когда общественный скептицизм по отношению к этой экстраординарной личности, как можно было бы предположить, достиг тревожной высоты, нам объявили, что он мертв! Таким образом, всем беспокойным расследованиям был положен весьма своевременный конец. Я не берусь отрицать, что такой человек действительно жил и умер. В то, что он был и что он сделал *все*, о чем сообщается, мы не можем поверить, если не согласимся принять противоречивые утверждения; но многие из описанных событий, какими бы чудесными они ни были, безусловно, не являются, взятые по отдельности, физически невозможными. Но я бы только попросил непредубежденного читателя поразмыслить над тем, чего, естественно, можно было бы ожидать, исходя из предположения, что догадки, содержащиеся в настоящей работе, хорошо обоснованы. Предположим, что вся история, которую я рассматривал, была выдумкой, каков был бы естественный результат такой попытки возбудить расследование ее истинности? Очевидно, что самым коротким и эффективным способом избежать обнаружения было бы *убить* фантома и таким образом сразу избавиться от него. Таким образом, любому, у кого вышеприведенные аргументы могли бы вызвать подозрения, был бы дан готовый и решительный ответ: "Сэр, не может быть никаких сомнений в том, что такой человек существовал и совершил то, что о нем рассказывают; и если вы просто совершите путешествие на остров Святой Елены, вы сможете увидеть своими глазами — вернее, не его, поскольку его больше нет в живых, — но его *могилу*: и какие у вас есть более убедительные доказательства?"

Вот и все о его *смерти*: что касается его *жизни*, то она только что опубликована выдающимся писателем; кроме того, магазины в изобилии снабдят нас бюстами и

гравюрами этого великого человека; все поразительные сходства — друг с другом. Самые недоверчивые должны быть довольны этим! "Stat magni NOMINIS umbra!"

ПОЛНЫЙ КОМПЛЕКТ.

ПОСТСКРИПТУМ К СЕДЬМОМУ ИЗДАНИЮ.

С момента публикации Шестого издания этой работы французская нация и мир в целом получили дополнительные доказательства реальности замечательной истории, о которой я рассказываю, которым, я надеюсь, они придадут должное значение. Самая великая нация, среди многочисленных показаний в последнее время уделяется героическим рвением, как то, что Гомер приписывает его Аргивянин воинов, τίσασθαι ἘΛΕΝΗΣ ὀρμήματά τε στοναχάς τε, формируется и выполняется дизайн приносил домой для почетного погребения останков их достославный.

Сколько человек на самом деле осматривали эти реликвии, я не установил; но я не вижу причин не верить в то, что настоящий гроб с настоящими костями был доставлен со острова Святой Елены во Францию.

Нам еще предстоит узнать, покажут ли будущим посетителям острова Святой Елены просто то самое *место*, в котором был (по утверждению) похоронен Буонапарте, или на этом острове будет выставлен другой набор настоящих костей.

Это последнее предположение не так уж невероятно. Обладание столь замечательной реликвией было чем-то вроде чести для острова, привлекательности для незнакомцев и источника прибыли для некоторых жителей; и эту славу и преимущество они, естественно, хотели сохранить. Если это так, то, кажется, нет причин, почему бы им не

обзавестись собственным черепом Бонапарта; ибо, я полагаю, нет сомнений в том, что в Англии есть или было несколько музеев, каждый из которых, среди прочих диковинок, мог похвастаться подлинным черепом Оливера Кромвеля.

Поэтому, возможно, мы услышим также о нескольких хорошо аутентичных черепах Буонапарте в коллекциях различных виртуозов, все из которых (особенно те, в чьем черепе "орган удивления" наиболее развит), несомненно, получают одинаковое удовлетворение от реликвий, которыми они соответственно обладают.

ПОСТСКРИПТУМ К ДЕВЯТОМУ ИЗДАНИЮ.

В последнее время общественность проявляет большой интерес и немалое недоумение к сообщениям о многих странных событиях, которые, как говорят, недавно произошли во Франции и других частях Континента. Носят ли эти отчеты такой характер, чтобы развеять или усилить и приумножить те сомнения, которые были высказаны на предыдущих страницах?

Нам говорят, что сейчас во главе правительства Франции стоит Наполеон Бонапарт. На самом деле, не утверждается, что он является самым настоящим Наполеоном Бонапартом. Смерть этого персонажа и перевозка его подлинных костей во Францию получили слишком широкую огласку, чтобы допустить его повторное появление в своем собственном обличье. Но *"uno avulso, недефицитное изменение"*. Подобно тибетским поклонникам Далай—ламы (который никогда не умирает; только его душа переселяется в новое тело), французы, как нам сказали, настолько полны решимости быть под началом Буонапарте — будь то (см. Примечание к стр. 56) человек или "система", - что они, похоже, нашли своего рода новое воплощение этого своего Великого ламы в человеке, который, как говорят, является племянником первоначального.

И когда, услышав, что этот персонаж сейчас занимает высокий пост президента Французской Республики, мы (вполне естественно) поинтересовались, *как он туда попал*, нам сообщили, что несколько лет назад он вторгся во Францию на английском судне (*англичан*— как было отмечено на стр. 52 — всегда подозревали в том, что они держали Буонапарте наготове, как ветры в сумке лапландской ведьмы, которые при случае можно было выпустить наружу), во главе отряда не в шестьсот человек, как его предполагаемый дядя в своей экспедиции с Эльбы, а из пятидесяти пяти(!), с которыми он высадился в Булони, провозгласил себя императором, и к нему присоединился не менее *одного* человека! Соответственно, как нам сообщили, он был арестован, предстал перед судом и приговорен к тюремному заключению; но несколько лет спустя, сбежав из тюрьмы и найдя убежище в Англии (снова в *Англии!*), он оттуда вернулся во Францию: И таким образом французская нация поставила его во главе правительства!

Все это, несомненно, будет воспринято как весьма правдоподобная история теми, кто полностью доверяет всем историям, на которые я ссылался на предыдущих страницах.

ПОСТСКРИПТУМ К ОДИННАДЦАТОМУ ИЗДАНИЮ.

Когда какая—либо драматическая пьеса *пользуется*, как говорится, успехом у публики, ее обычно представляют снова и снова под все еще продолжающиеся аплодисменты; иногда ей подражают; так что одна и та же драма по существу, со случайными небольшими вариациями в сюжете и сменой названий, надолго удерживается на сцене.

Нечто подобное имело место в отношении этой любопытной трагикомедии - действие которой происходило во Франции, — которая привлекала внимание британской публики около шестидесяти лет; в течение которых ее с неослабевающим интересом "показывали в переполненных залах", а именно в кофейнях, читальных залах и т. Д.

В общих чертах эту драму или серию драм можно обрисовать так:

Действующее лицо.

А. Король или другой Суверен.

Б. Его королева.

С. Предполагаемый наследник.

Д. Э.Ф. Его министры.

Г.Х. И. Дж. К. Демагоги.

Л. Популярный лидер исключительной изобретательности, который в конечном итоге становится верховным правителем под титулом диктатора, консула, императора, короля, президента или каким-либо другим.

Солдаты, сенаторы, Палачи и другие чиновники, Горожане, Рыбачки и т.д.

Место действия, Париж.

(1) Первый акт одной из этих драм представляет монархию, несколько обеспокоенную ропотом недовольства, подозрениями в заговоре и т. Д.

(2.) Второй акт - восстание, в ходе которого в конечном итоге правительство свергается.

(3.) Акт третий - создание временного правительства на принципах свободы, равенства, братства и т.д.

(4) Акт четвертый - борьба различных партий за власть, сопровождающаяся различными интригами и кровопролитными конфликтами.

(5.) Акт пятый - восстановление какой-либо формы абсолютной монархии.

И с этого момента мы начинаем заново, и начинаем то же самое сначала, с разными новыми перерывами.

Все это в высшей степени забавно для английской публики *слышать и читать*, но я сомневаюсь, что нашим соотечественникам понравилось бы быть настоящими *исполнителями* в такой драме.

Таковы ли французы на самом деле, или они вводят нас в заблуждение в своих отчетах, которые они присылают, я не берусь решать. Но если верно первое предположение, если они так долго действительно разыгрывали в своих лицах подобную драму, то следует признать, что они заслуживают того, чтобы их характеризовали так, как это было сделано при описании некоторых европейских народов: "Англичанин, — было сказано, - никогда не бывает счастлив, кроме как когда он несчастен; шотландец никогда не бывает дома, кроме как когда он за границей; ирландец никогда не бывает в мире, кроме как когда он сражается; испанец никогда не бывает на свободе, кроме как когда он поработен". Француз никогда не бывает оседлым, кроме как когда он вовлечен в революцию".

ПОСТСКРИПТУМ К ДВЕНАДЦАТОМУ ИЗДАНИЮ.

"Время", как гласит пословица, "вытаскивает Правду на свет". Но процесс постепенный и медленный. Долг выплачивается, так сказать, в рассрочку. Лишь понемногу, и через значительные промежутки времени, Правда выходит наружу, как утренние сумерки, чтобы рассеять туман вымысла.

Вот уже более сорока лет люди обсуждают вопрос: —Кто были те стороны, которые сожгли город Москву?" — даже не задумываясь о предварительном вопросе, горела ли она вообще. И теперь, наконец, мы узнаем, что этого никогда не было.

Следующая выдержка из газеты Нового Орлеана содержит информацию, полученную американским путешественником — представителем той великой нации, точность фактов которой так хорошо известна, — посетившим это место.

ДОРОЖНЫЕ ПРОИСШЕСТВИЯ —ГОРОД МОСКВА.

Говорят, что сенатор Дуглас во время путешествия по России сделал открытие, что город Москва никогда не горел! Следующее изложение этого вопроса взято из the Muscatine (Айова) Inquirer:

"Несколько дней назад, плывя на пароходе, мы случайно встретились с сенатором Дугласом, который поднялся на борт в Куинси по пути в Варшаву. В ходе очень

интересного отчета о своих путешествиях по России, большая часть которого была опубликована авторами писем, он изложил факт, который еще никогда не публиковался, но который поразительно противоречит исторической связи одного из самых экстраординарных событий, которые когда-либо выпадали на долю истории. По этой причине судья сказал, что он проявил деликатность, заявив, что город Москва никогда не горел!

Он сказал, что до его прибытия в Москву у него было несколько споров со своим гидом относительно сожжения города, гид заявлял, что этого никогда не происходило, и, по-видимому, был раздражен упорством мистера Дугласа в своем мнении; но, изучив следы пожара вокруг города и сам город, он убедился, что гид был прав.

Далее в заявлении утверждается, что древность архитектуры города, особенно его "шестисот первоклассных церквей", простирающихся от дополеоновских эпох до языческих времен и демонстрирующих дело рук разных народов в истории, демонстрирует, что город никогда не сгорал дотла".

Исследователь добавляет:

"Кремль занимает площадь в несколько сотен акров в центре города, имеет форму утюга и обнесен стеной высотой шестьдесят футов. Внутри этого ограждения находится самый великолепный дворец в Европе, недавно построенный, но построенный поверх древнего дворца, который, таким образом, остается закрытым, целым и совершенным, со всеми своими окнами и т.д.

"Рядом с Кремлем, окруженный стеной, находится китайский городок, которому, по-видимому, несколько сотен лет, все еще населенный потомками первых поселенцев.

"Обстоятельства, которые привели к ошибкам относительно сожжения Москвы, были таковы: Это город с населением в четыреста пятьдесят тысяч человек, круглой формы, занимающий большое пространство, пять миль в поперечнике. Там зимы длятся шесть месяцев, и был и остается обычай запасаться провизией и дровами на шесть месяцев сильных холодов. Чтобы эти гигантские запасы не загромождали сердце города, и в то же время сделать их настолько удобными, насколько это практически возможно для любой местности, был построен ряд деревянных домов, полностью опоясывающих город, а за ними находился ряд зернохранилищ, и в них хранились все припасы. Наполеон вошел в город со своей армией и сам занимал кремлевский дворец, когда однажды ночью по приказу русского губернатора все деревянные дома и амбары одновременно загорелись. Все попытки потушить их были тщетны, и Наполеон оказался вынужден провести свою армию через огонь. Поднявшись на возвышенность, он увидел, что весь город окутан огромными полосами пламени и клубами дыма, и, по-видимому, все в огне. И с его точки зрения, это могло быть и лучше, потому что, хотя домов осталось достаточно, чтобы обеспечить каждого солдата комнатой, но без провизии или топлива, а русская армия прекратила поставки, он и его армия не могли там прокормиться. Во время пожара, вероятно, сгорели несколько домов, но сам город - нет. В Кремле взорвался магазин, в результате чего церковь Ивана Богородицы раскололась более чем на сто футов, но ничего не загорелось.

"Мистер Дуглас видел следы пожаров вокруг города, где, как и прежде, стоят деревянные дома и амбары для зимних припасов; но, похоже, в городе нет следов пожаров".

Любой осторожный скептик, действительно, мог бы найти много оснований для сомнений в самих отчетах о пожаре, которые были даны. Ибо русские всегда отрицали, что *они* сожгли его; и французы в равной степени отрицали этот акт. Каждая из двух сторон, между которыми лежало обвинение, яростно отрицала это. И следует признать, что у каждой из них были очень веские основания настаивать на своей невиновности. Было, конечно, крайне *маловероятно*, что русские сами разрушат свою древнюю и почитаемую столицу; и это при том, что они хвастались только что одержанной великой победой при Бородино над армией, которую, следовательно, они могли надеяться снова разгромить и изгнать из своего города. И не менее маловероятно было, что французы сожгут дотла город, которым они владели и который давал убежище и подкрепление их войскам. Это было бы одним из самых невероятных обстоятельств той самой невероятной (предполагаемой) кампании. Чтобы дополнить это чудо, нам говорят, что французская армия, тем не менее, ждала пять недель, без всякой цели, среди пепла этого разрушенного города, как раз при приближении зимы, и как будто специально для того, чтобы быть настигнутой и уничтоженной снегами и морозами!

Однако все трудности, связанные с вопросом, имело ли место что-либо из этого вообще, были упущены из виду большинством людей, потому что сам вопрос никогда не приходил им в голову в их стремлении решить, *кто* именно сжег город. И в конце концов выясняется, что ответ таков: Никто!

КОНЕЦ.

ПОСТСКРИПТУМ.

В отношении приведенных выше аргументов утверждалось (хотя даже без каких-либо попыток доказательства), что они служат доказательством того, что библейские повествования не содержат ничего более чудесного, чем полученные сообщения о Наполеоне Буонапарте. И это действительно так, если мы используем слово "*чудесный*" в том очень необычном смысле, в котором его использовал Юм (как указано на предыдущих страницах); для обозначения просто "*невероятного*"; злоупотребление языком, от которого в основном зависит его аргументация.

Действительно, показано, что в истории Буонапарте по меньшей мере столько *женевероятностей*, сколько и в любом другом повествовании Священного Писания; и что против одной истории может быть выдвинуто столько же, если не больше, возражений, сколько и против другой.

Но если брать слова в их обычном, устоявшемся смысле, то утверждение явно противоположно истине. Ибо любой, кто, несмотря на все невероятности, *верит* в правдивость *обеих* историй, очевидно, верит в чудеса; поскольку он верит двум повествованиям, одно из которых *не* является чудесным, в то время как другое — таковым является. История Буонапарте не содержит — хотя многое и крайне невероятно — ничего такого, что можно было бы назвать, согласно устоявшемуся употреблению языка, чудесным. И Священные Писания содержат, как *существенную* часть своего повествования, *Чудеса*, собственно так называемые.

Говорить о вере в Библию, во все, *кроме Чудес*, было бы все равно что заявлять, что веришь рассказам Буонапарте, за исключением того, что он командовал армиями и побывал на Эльбе и Святой Елене.

Нельзя сомневаться, что в течение тех *сорока лет*, которые эта небольшая работа была представлена публике, было бы приведено какое-нибудь реальное, обоснованное опровержение этого аргумента, если бы таковой мог быть придуман.

1860.